

- Kecskesi M.* African masterpieces and Selected Works from Munich. N.Y., 1987.
Male S. Le Jo et le Gwan // Bamana: un Art et un Savoir-vivre au Mali. Zurich, 2003.
Meyer L. Black Art of Africa. 1999.
Rattray R. Religion and Art in Ashanti. Oxford, 1927.
Vogel S. Baule: African Art, Western Eyes. New Haven, 1997.
Zahan D. Bambara (African People). Leiden, 1974.

Т.Б. Щепанская

АНТРОПОМОРФНЫЕ УЛИЧНЫЕ ГРАФФИТИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРА

Объект исследования — изображения человека в настенной графике Санкт-Петербурга. Материалом для этого сообщения послужила коллекция фотографий, сделанных автором на улицах Адмиралтейского, Центрального, Петроградского, Василеостровского и Выборгского районов Санкт-Петербурга. Учитывались характеристики размещения изображений по критериям: «центр / окраина», «двор / улица».

Уличные граффити рассматриваются здесь как форма семиотического освоения городской среды. Цель исследования — выявить параметры, значимые при конструировании графического образа человека. Рассматривая образы настенной антропоморфной графики, мы вычленим их инвариантные и варьирующие компоненты, предполагая в итоге реконструировать матрицу (или, возможно, различные матрицы) репрезентации человеческого в этой форме знакового освоения городской среды. Далее элементы этой (этих) матрицы можно рассматривать как знаки, единицы кода, с помощью которого осуществляется передача значимой для авторов и исполнителей информации, в частности социальных и культурных явлений, собственно городского пространства, личных и межличностных отношений и т.д.

В этом сообщении предметом анализа стали формы и способы репрезентации гендера как одной из социальных характеристик и значимого аспекта социальной идентичности человека. Исследование нацелено также на выявление культурных маркеров гендера. Рассматривается связь маркеров гендера с репрезентациями других аспектов идентичности, в частности субкультурной (продолжение наших исследований субкультурных конструкций гендера [Щепанская 2002]).

Матрица тела и городское пространство. Оговоримся: мы отбираем только изображения, сделанные от руки (без трафарета), неорганизованными и непрофессиональными авторами, оставляя за рамками исследования рисунки, нанесенные по трафарету, профессиональными командами граффитистов, а также в ходе специально организованных акций (городские власти проводят конкурсы граффитистов, где участвуют чаще всего профессиональные или заинтересованные в профессионализации художники, дизайнеры, которые разрисовывают глухие стены, ограды в промышленных зонах, брендмауэры).

Нас интересуют непрофессиональные и неорганизованные граффитисты, для которых граффити — проекция в социальное пространство собственной

идентичности, значимых личностных смыслов. Это своего рода освоение городской среды и символическая экспансия.

Антропоморфные граффити — это объект исследования, располагающийся в зоне пересечения или наложения проблематики исследований городского пространства и символики тела. С одной стороны, на этом материале можно изучать матрицу тела — как оно обозначается, какие аспекты телесности (части тела, его качества и атрибуты) служат знаками или же маркируются знаками, в практиках, когда телесность предьявляется в публичном пространстве. С другой — каким образом телесность проецируется в городское пространство, как через символику тела обозначается символическое освоение пространства определенными социальными группами. Здесь мы опираемся на концепцию «Contested City» (сосязательного или противостоящего города) Сеты Лоу, а также ее отсылки к постмодернистскому рассмотрению городского пространства как текста, пространства репрезентации групповых интересов и идентичностей [Low 1996].

В этом сообщении я рассматриваю репрезентацию гендера в городском символическом пространстве. В традиции городских исследований — рассмотрение репрезентаций гендера в архитектурных формах и повседневных практиках (а также создании мест для их осуществления в городской среде) [Terigen 2003]. Здесь я рассматриваю репрезентации гендера в самостоятельных уличных граффити.

Минимум антропности. Первый вопрос, который мы ставим, анализируя уличные граффити — это минимум антропности. Что отнести к «антропоморфным» граффити? По каким признакам распознается антропоморфизм? Каков минимальный набор этих признаков, позволяющих распознавать изображения как антропоморфные?

Этот вопрос тесно связан с вопросом о матрице тела, на которую ориентируются самостоятельные граффитисты: какова ее свернутая, минимальная, форма и как эта матрица разворачивается, наращивая новые элементы, детали? Мы исходим из того, что минимальная форма этой матрицы, позволяющая опознать человеческое тело, обозначает собственно антропоморфность. Другие же, не обязательные для опознания человека элементы должны быть знаками чего-то надстроенного над антропоморфностью, дополнительных характеристик человека, значимых в социальном пространстве, в частности его принадлежности к группе, его гендерная, субкультурная или иные виды социальной идентичности.

Вопрос о минимуме антропности — это еще и вопрос о том, одна ли матрица, схема человеческого тела лежит в основе самостоятельных граффити или это разные схемы.

В нашей коллекции есть несколько вариантов минимальной репрезентации антропоморфного тела:

1. Лицо (чаще всего).
2. Мужской половой член.
3. Условное изображение сердца.
4. Человеческий глаз.
5. След/отпечаток ступни.
6. Абрис/отпечаток ладони.

Какие из этих изображений присутствуют в более полных, многоэлементных, изображениях человека? Практически всегда — лицо, т.е. этот вариант можно рассматривать как минимальное проявление матрицы, которая способна разворачиваться в более полное изображение тела. Остальные части тела, перечисленные выше, могут присутствовать, а могут и отсутствовать в более полных изображениях, т.е. обязательными элементами, из которых разворачивается схема тела, не являются.

Несколько обособленно в этой связи нужно рассматривать изображения мужских гениталий. Встречаются (и довольно часто) изображения, где они слиты с изображением лица. Первый вариант этого соединения: лицо изображается так, что рисунок можно прочесть одновременно и как изображение мужских гениталий. Второй вариант — совмещение, когда изображение лица накладывается или вписывается в контур гениталий. Таким образом, мужские гениталии не только могут (как и ряд других элементов схемы тела) замещать лицо в качестве минимального выражения антропоморфности, но и «служить лицом», т.е. один и тот же символический рисунок способен обозначать в граффити лицо (как минимальный универсальный знак антропоморфности) и одновременно гениталии (рис. 1, 2). Минимальная репрезентация матрицы тела, лежащей в основе граффитийного маркирования пространства, — это лицо/гениталии. Отсюда должен быть сделан вывод, что это матрица мужского тела (в тех случаях, когда она гендерно маркирована).

Рис. 1.

Рис. 2.

Речь идет именно об исходной матрице, выполняющей в граффити функцию обозначения антропности как таковой, а не о собственно репрезентациях гендера, надстроенных поверх этой матрицы, как и прочие знаки социального статуса (например, субкультурной принадлежности и т.п.).

Маркеры «женского». Уличные граффити изображают, конечно, не только мужские тела (хотя мужские встречаются значительно чаще). Встречаются и женские: в этом случае общая схема тела расширена дополнительными признаками, несущими функцию обозначения «женского». Какие это признаки?

В моей коллекции (насчитывающей более 300 рисунков) всего восемь изображений, снабженных атрибутами «женского». На всех без исключения в качестве маркера «женского» присутствует прическа: волосы длинные (минимально — в форме «колокола» по бокам головы); две косички; украшения (цвет-

ток или заколка) в волосах. Этот маркер есть даже там, где изображение ограничивается головой (лицом). Т.е. именно прическа как маркер «женского» вписывается в минимальный вариант матрицы тела. Если эта матрица представлена не только лицом, то появляется еще один маркер «женского» — груди, обязательно с отмеченными точками сосков. Затем — гениталии. В моей коллекции из восьми женских изображений три представлены не только лицом. Тело лишено одежды на двух изображениях, соответственно акцентированы не только груди, но и гениталии. На третьем изображении (выполненном красочно и достаточно художественно — в манере наивных художников, как девушки-старшеклассницы рисуют в альбомах) изображена модельного вида брюнетка в купальнике-бикини. Однако поверх изображения купальника процарапаны или намалеваны белым места сосков и гениталий, т.е. схема восстановлена. На двух изображениях женского тела женские гениталии совмещены с изображениями мужских, т.е. символически обозначен coitus

Из восьми женских изображений три выполнены в манере графики девичьих альбомов: они сильно контрастируют с основным массивом самостоятельных граффити — именно художественной проработкой, аккуратностью, красочностью. Можно предположить, что они выполнены девушками, в то время как большая часть граффити — творчество мальчиков-подростков и юношей. Если исключить эти «альбомные» рисунки, то в остальных случаях женские тела вписываются в контекст мужской сексуальности и даже сексуальной агрессии (кроме изображения мужских гениталий, рядом с этими рисунками присутствуют и надписи сексуально-агрессивного характера). То есть эти изображения нужно рассматривать как распространение матрицы мужского тела (дополнение ее образами сексуальности).

Маркеры социального статуса и субкультуры. В уличной графике присутствуют и изображения, снабженные знаками статуса и субкультурной принадлежности. В моей коллекции есть три изображения милиционеров — в виде головы, в качестве знака статуса — милицмейская фуражка. На всех трех изображениях — гримаса ярости/гнева. На одном из трех изображений, кроме головы, нарисована отведенная в сторону рука с дубинкой. Вообще головной убор чаще всего изображается в качестве знака статуса. Это всегда мужской головной убор, и, обозначая социальный статус, он одновременно указывает на гендерную идентификацию изображения, т.е. в случае «статусных» изображений знак статуса одновременно и маркер гендера (маскулинности).

То же можно заметить и на изображениях, снабженных маркерами субкультурной принадлежности: изображения панков, трансеров, растаманов. Маркерами субкультуры служат прически, иногда довольно детально прорисованные; если изображение не ограничивается головой, то маркирована и одежда. Иногда все это дополняется надписями, указывающими на субкультуру. Но и здесь маркеры субкультуры — одновременно и обозначения маскулинности образов (рис. 3, 4).

Рис. 3.

Рис. 4.

Подытоживая этот обзор, следует заключить, что в качестве базовой матрицы, лежащей в основе изображений человека в самостоятельных уличных граффити, используется матрица мужского тела. Это проявляется уже в самых минималистских антропоморфных изображениях, где элементарный (и самый распространенный) вариант человеческого схематичного лица взаимозаменяем изображением мужских гениталий. Распространение матрицы тела, ее маркирование знаками субкультурной, статусной принадлежности одновременно дополняет и символический образ мужского тела (именно мужские прически и одежда используются как знаки статуса или субкультуры). Изображения женского тела немногочисленны и в имеющихся в нашей коллекции случаях «подверстаны» к той же матрице мужского тела через символическое изображение *coitus'a*. Вероятно, эти результаты можно интерпретировать как проявление мужской субъектности данной практики, поскольку самостоятельное граффитийное маркирование городского пространства — практика, характерная в основном для мужских молодежных и подростковых сообществ.

Библиография

Щепанская Т.Б. Эльфы и скво: траектории гендерной социализации в молодежных субкультурах // Язык — гендер — традиция: Материалы медунар. науч. конф. 25–27 апреля 2002 г. СПб., 2002. С. 166–177.

Low Setha M. The Anthropology of Cities. Imagining and Theorizing the City // Annual Review (of) Anthropology. 1996. № 25. P. 383–409.

Teringen Ulla (ed). City and Gender: International Discourse on Gender, Urbanism and Architecture. Leske, Budrich, Oplanden, 2003.